

Надя Гусаковская

МЕЖДУ СО-ПРИЧАСТНОСТЬЮ И НЕ- ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ: ОТРАЖАЯСЬ В ЖЕНЩИНАХ МАРИКАНЫ

Nadzeya Husakouskaya

Witnessing Marikana's Women: Notes on Implication and Belonging

This essay can be read in many different ways. One of the possible readings suggests that the essay reflects on the regimes of inequality in contemporary South Africa as witnessed and perceived by a white queer female scholar from Belarus. Another mode of reading invites the reader to explore the (im)possibility of translation of and connection to ostensibly similar experiences of oppression in different localities. At the core of the essay is Nadya's photographic art project, which was developed three years after she witnessed Women's March in Marikana in September 2012. The themes of alienation and familiarity, inequality and solidarity, individuality and collectivity, oppression and resistance, and race, class and gender intersectionality are explored in the text through the juxtaposition of the field notes, personal diary entries, researcher's reflections, photographs, and Facebook posts. The essay represents an alternative academic writing, disrupting classical academic requirements for references and predefined text structure, which is yet another way of interpreting the incentive behind the essay.

Keywords: South Africa, Belarus, gender, class, race, inequality, oppression, resistance, alternative ways of social exploration, ethnography, art and academia.

**23 августа 2012 г., из письма к Т.
Йоханнесбург, ЮАР**

«...Вчера были на встрече с шахтерами из Мариканы. В прошлый четверг шахтеры на этом прииске по добыче платины устроили забастовку. Около 3000 шахтеров. Требование: повысить заработную плату, которая сейчас составляет 4000 ранд (это около 390 евро), до 12 500 ранд. Живут они в само-выстроенных поселках – без электричества и водопровода, без школ. Приехавшая полиция открыла огонь. 34 (официально) убитых, под сотню раненых, больше 200 арестовано. Шахтеры продолжают бастовать – соседние шахты начинают поддерживать *comrades*. В левых кругах – да и в целом в критически антиправительственных – говорят о том, что это начало большого рабочего движения и – событийно – “водораздел”, схожий с 1994-м, когда пал режим апартеида. Я слышала об этом от Тони, левака, с которым я познакомилась в кампусе в первые свои дни здесь. О нем я тебе писала. О Марикане он рассказал мне в пятницу, по свежим следам. Говорил, что мариканская резня напомнила многим

в ЮАР о Шарпевиле¹ и кровавой расправе в Соуэто². Но «в те времена» смерти черных рабочих и студентов были на совести белого апартеидного режима, а в этот раз черные рабочие были расстреляны черными же полицейскими с огласия черной правящей партии³.

Вчера Полин, моя сокурсница из Франции, которая живет здесь уже 8 лет, сказала, что будет встреча с шахтерами и организациями, которые их поддерживают. «Miners from Marikana» становятся той же риторической фигурой, как и «те, что стояли на площади»⁴ для нас и для вас. Все отдают дань мужеству «комраде», поддерживают их и их семьи, но в то же время считают критически важным использовать ситуацию для организованной борьбы с неравенством и коррупционностью власти.

¹ Расстрел мирной демонстрации протеста в Шарпевиле произошел 21 марта 1960 г. Мирный протест был направлен против усиления закона об «учетной книжке» (так называемый «pass law»). Закон ограничивал передвижение «черных» южноафриканских граждан/гражданок внутри страны через систему «учетных книжек». По закону, «черное» население страны (с 1960 г. как мужчины, так и женщины) обязывалось иметь при себе «внутренние паспорта» при выходе за пределы установленных для «черных» людей зон проживания и предъявлять эти «паспорта» по требованию полицейских или других представителей власти. При разгоне мирной демонстрации в Шарпевиле было убито 69 и ранено 180 человек.

² Имеется в виду жестокое подавление протестов «черных» учащихся в Соуэто в июне 1976 г. Учащиеся протестовали против введения африкаанс как обязательного языка обучения в южноафриканских образовательных учреждениях. Африкаанс как самостоятельный язык развился на базе голландского языка в XVIII в. в среде голландских поселенцев. Таким образом, африкаанс, будучи к тому же государственным языком при апартеиде, воплощал наследие «белых» поселенцев и соответственно колониализм. При разгоне демонстраций в Соуэто погибло от 176 (по официальным данным) до 700 человек. Соуэто являлось группой поселений (townships) в южно-западной части Йоханнесбурга (сокращенно от South Western Townships). Во времена апартеида поселения (тауншипс) представляли собой принудительно сегрегированные места для проживания «черного» населения.

³ Я употребляла (и оставляю это в данной статье) слово «черный/черная/черные» для обозначения расы, переводя таким образом англоязычное Black. Осознавая, что эта терминология является наследием расистской расовой категоризации, принятой во времена апартеида, я стараюсь удерживать критическую дистанцию к данной категоризации и в то же время опираюсь на само-идентификацию и само-название многих знакомых, коллег и друзей, с которыми я общалась во время своей работы в Йоханнесбурге.

⁴ Имеются в виду протестные акции в Беларуси и Украине – Плошча и Майдан.

Полин забрала нас на машине из Витса, и мы поехали в У⁵. Мне кажется, У⁵ по духу левее. Встречу организовывал Питер Александер⁶, профессор в У⁵, который сразу же выехал на шахты и по горячим следам начал проводить независимое расследование. Он передал политическое приветствие от вице-президента университета: “университет должен быть таким местом, где можно свободно обсуждать и критиковать происходящие события”. Такое странное и сильное чувство. Как когда-то в 2004-м, когда закрылся ЕГУ и я верила, что университет может и должен быть таким “местом”.

Я сидела и впитывала каждое слово, каждый звук. Записывала все на диктофон. Но сегодня, когда мне понадобились отрывки записи для завтрашней презентации и я переслушивала, что записала, я снова с горечью осознала, как ограничена техника: передает сухую информацию, но беспомощна хоть сколько-нибудь передать атмосферу. Только плоские ленточки речей. Ни запаха скученных возбужденных тел, ни напряжения лиц и мышцы, ни тем более накала отчаяния и воинственности, с которыми после объявления, что шахтеры задерживаются, один из присутствующих, крепкий, хорошо одетый мужчина, встал и затянул песню. И я вздрогнула. В моем контексте (это осознание “откуда я” ошарашило), когда у тебя/нас есть полчаса и кто-то задерживается, народ расходится поговорить, потягать бутерброды со столов, запить назревающее возбуждение. А здесь – запели. И после того, как затянул первый, второй и третий подхватили, и через несколько секунд это было нестройное, но гуще пение. Вторая половина зала начала как будто совсем иную мелодию, и эти две мелодии – наливались и крепили – и шли словно бы параллельно, а все это – и песня, и люди – казалось единым могущественным преобладающим телом. Через несколько минут в центре зала меж двух рядов расставленных стульев начали танцевать, продолжая петь повторяющуюся – уже единую – ухающую мелодию. Коллективное тело это состояло из молодых и старых, женщин и мужчин – единство по признаку черноты, бедноты и солидарности. Так продолжалось 15 минут. И после, пока мы ждали, еще дважды темная радостная улюлюкающая песня разрезала зал. В этот момент я почувствовала себя предательски несправимо белой. Поняла про белые привилегии и черный протест, уловила тяжелейший исторический контекст – не головой, а кожей. Увидела это почти животное черное многоголовое тело глазами белого “цивилизованного” человека и стала этим “цивилизованным” взглядом, не успев его избежать. Вдруг заметила подкатывающий, как тошнота, страх, смешанный с отвращением. Страх такой силы и такого единства, которым нечего мне

⁵ Витс – сокращенное название Университета Витватерсранда (University of Witwatersrand). У⁵ – аббревиатура для University of Johannesburg, Университет Йоханнесбурга. Оба университета расположены в Йоханнесбурге.

⁶ Питер Александер (Peter Alexander) – белый (по расовой принадлежности) британский (по национальности) профессор социологии в Университете Йоханнесбурга.

такой-белой противопоставить. Я никогда не видела тела рабочего класса, такого тела, в котором бурлит ярость и сила. Никогда еще с такой силой не ощущала себя расисткой (как это принять?) – с восхищением и верой в нечеловеческое железное черное тело.

А потом говорили – и говорили многие и говорили много. Каждая речь начиналась возгласом – *amandla, comrades!* И каждый спикер трижды провозглашал кличем ниспровержение капитализма – и толпа рычала в ответ. *Amandla* на зулу значит “power”. Но это мне объяснили позже. А тогда я интуитивно, нутром переводила этот возглас как «пролетарии всех стран, объединяйтесь» – и часть меня, рожденная в 1980-м, а может, та часть, что была передана мне рожденными еще до меня, солидаризировалась с неясным криком. Все во мне было

голо и трепетало. Я не понимала толком, что происходило. Это были не учебники, не теория, не научные работы. Это было живое, и это живое беспрпятственно вливалось в меня, несмотря на основополагающую расовую разницу... ».

**29 сентября 2012 г., женский протестный мари
Марикана, северо-западная провинция ЮАР**

На женский марш в Марикане я попала благодаря Полин, моей сокурснице из Франции. У нее была машина, она живо интересовалась политикой, работала с мигрант(к)ами в ряде международных организаций, была вовлечена в левые академическо-политические круги Йоханнесбурга. Когда она предложила поехать, я согласилась не раздумывая. К тому времени я уже видела, что пространство в ЮАР остается чрезвычайно сегрегированным. Попасть в «не-свои» места сложно – нужно прикладывать осознанные усилия, находить доступ к информации, людям и местам, заниматься логистикой (так, без машины передвигаться в Йоханнесбурге было нелегко и небезопасно), постоянно выходить из зоны комфорта. Ощущалась острая нехватка понимания юарского контекста изнутри. К тому же мариканские противостояния с полицией откликались минскими событиями 2006 г.⁷

⁷ Под минскими событиями я имею в виду протестные акции, которые прошли в центре Минска 19–25 марта 2006 г. и стали реакцией части населения на результаты президентских выборов в Беларуси (Александр Лукашенко был переизбран на третий срок). Иногда эту серию белорусских протестов условно называют «джинсовой революцией», таким образом отсылая к «оранжевой революции», произошедшей в Украине двумя годами ранее. Митинги начались 19 марта на Октябрьской (Кастрычніцкай) площади. Там же 21 марта спонтанно организовался «палаточный городок», где часть протестующих оставалась до разгона «городка» 24 марта. В День Воли, 25 марта (неофициальный праздник, посвященный годовщине провозглашения независимого белорусского государства, «Беларускай Народнай Рэспублікі», 25 марта 1918 г.), спецназ жестоко разогнал колонну людей, двигавшихся от парка Янки Купалы к спецприемнику-распределителю на улице Окрестина. По итогам разгонов митинга, палаточного городка и шествия было арестовано более 400 человек, включая кандидатов в президенты Александра Козулина и Александра Милинкевича. Я участвовала в мартовских протестах наряду с моими соратниками/соратницами из Европейского гуманитарного университета, который был закрыт по политическим причинам летом 2004 г. Чуть больше о мартовских событиях можно прочесть в моем предисловии к переводу переписки Сартра и Мерло-Понти («Сартр и Мерло-Понти: история одной переписки. Политика, ангажированность и позиция интеллектуалов в ситуации социо-политических потрясений»:

К тому моменту в Йоханнесбурге я жила уже два месяца. В конце июля я приехала в качестве приглашенной исследовательницы в Африканский центр миграции и общества университета Витватерсранда⁸ писать магистерскую диссертацию о трансгендерных и интерсексуальных внутренних мигрантах в провинции Гаутенг⁹. Камеру в руки я брала очень редко, обычно фотографируя виды из окна моего небольшого бунгало в Мейфеер Вест, одном из районов Йоханнесбурга. В публичное пространство с камерой я не выходила. Не столько потому, что было небезопасно, сколько потому, что не могла понять, уловить, как можно снимать людей без объективации, без соскальзывания в ловушку «белого человека с фотоаппаратом». Женский марш в Марикане стал первым из трех социально-политических событий, на которые я взяла фотоаппарат, а вместе с ним и право стать свидетельницей. Два других мероприятия проходили в Йоханнесбурге: гей-прайд в октябре 2012 г. и протестный марш секс-работниц/работников в марте 2013 г.

Женский протестный марш состоялся в Марикане 29 сентября 2012 г. Мирная акция протеста стала ответом на введение двумя неделями ранее чрезвычайного положения в Рустенберге и Марикане. В поселения были введены усиленные наряды полиции и войска, массово проводились несанкционированные обыски и аресты, любые собрания были запрещены, полиция для устрашения использовала слезоточивый газ и резиновые пули (часто стреляя в людей, когда те шли в магазин или просто передвигались по поселению). Женский марш задумывался как протест против полицейского произвола и выражение солидарности с бастующими шахтерами. В марше приняло участие более 200 женщин. Они собрались в неформальном поселении Бокोगон-2 близ места, где месяцем ранее были расстреляны шахтеры, и направились в Марикану к полицейскому участку, что находился в семи километрах от поселения.

Одним из центральных лейтмотивов марша стала смерть одной из женщин, Полины, из-за осложнений от пулевых ранений. Многие самодельные постеры напрямую отсылали к ее смерти, вскрывая методы работы полиции и указывая на особую жестокость полицейского произвола. Но была и другая тема – гендерное насилие и прекарное положение черных женщин в сельских поселениях

<https://www.academia.edu/13285326/Сартр и Мерло-Понти история одной перепи-ски. Политика ангажированность и позиция интеллектуалов в ситуации социо-политических потрясений>).

⁸ Больше о Центре (African Centre for Migration & Society) можно посмотреть здесь: <http://www.migration.org.za>

⁹ В магистерской работе я исследовала опыт гендерного «перехода» и мобильности черных (Black) экономически непривилегированных (underprivileged) трансгендерных и интерсексуальных внутренних мигрантов в ЮАР, т.е. тех, кто передвигался внутри границ страны (например, из деревень в города) для того, чтобы получить доступ к необходимым медицинским услугам в Йоханнесбурге и Претории. Мою магистерскую работу можно почитать здесь: <https://uib.academia.edu/NadzejaHusakouskaya/Thesis>

в ЮАР. Тема эта звучала немного тише, и все же она звучала – ощутимо, ярко и яростно, прорываясь не только через надписи на плакатах о Зуме-насильнике¹⁰, но и через реальность того, как был организован протест и каковы были условия его проведения.

В организации мариканского марша активную (и во многом центральную) роль играли женские организации из Йоханнесбурга – FEW (Forum for the Empowerment of Women) и 1in9Campaign. В то время FEW в основном работала в черных районах (townships) Йоханнесбурга, создавая безопасное публичное пространство для озвучивания, продвижения и защиты прав черных лесбиянок. 1in9Campaign среди ЛГБТ-организаций Йоханнесбурга позиционировалась как инициатива, следующая феминистским принципам и уделяющая внимание разнообразным формам насилия над женщинами, особенно сексуальному насилию. Обе организации, безусловно, привнесли гендерный компонент в протестный марш, в то же время пытаясь укрепить солидарность и выстроить связи, основываясь на общей идентичности «черных женщин» (нивелируя разницу по признакам места проживания и сексуальной ориентации). Женское (в том числе лесбийское) движение в ЮАР видимо, многочисленно и очень артикулированно, что неудивительно, учитывая преобладание антиапартеидного сопротивления и беспрецедентный размах насилия над женщинами в стране.

Уровень изнасилований в ЮАР остается одним из самых высоких в мире: по данным исследования, проведенного в 2010 г.¹¹, каждая третья женщина в стране была изнасилована, каждая четвертая – подверглась физическому насилию со стороны партнера. При этом только одна из 9 женщин заявляет в полицию об изнасиловании (отсюда название, в частности, организации 1in9Campaign). Исследование 2011 г. показывает¹², что в Гаутенге (наиболее густо населенной провинции ЮАР) половина опрошенных женщин испытывали физическое, сексуальное, экономическое или эмоциональное насилие; три четверти мужчин признали, что совершали акты насилия (в одной из форм) над женщинами. К

¹⁰ Джейкоб Зума – президент Южно-Африканской Республики с 9 мая 2009 года по 14 февраля 2018 г. В 2005 г. он был обвинен в изнасиловании 31-летней женщины – дочери своего коллеги по партии и активистки в борьбе против ВИЧ/СПИД. В 2006 г. Зума был оправдан: судья подтвердил заявление Зумы, что секс произошел по взаимному согласию, и обвинил женщину в даче ложных показаний. Дело против Зумы получило огромный резонанс в мире, а также внутри страны, спровоцировав дебаты вокруг культуры изнасилований и ситуации с ВИЧ/СПИД в ЮАР. Подробнее о деле против Зумы: https://en.wikipedia.org/wiki/Jacob_Zuma_rape_trial; о реакции организованного женского движения: <http://www.pambazuka.net/en/category.php/letters/33434>; о культуре и политике изнасилований через призму «дела Зумы» в ЮАР: <http://concernedafricascholars.org/bulletin/issue84/waetjen-mare/> (все статьи – на английском).

¹¹ «Crime Injustice: Violence against Women in South Africa», 2010, a shadow report in Beijing.

¹² «The War at Home: Gender Based Violence Indicators Project, Gauteng Research Report», Gender Links and Medical Research Council, 2011.

тому же ЮАР занимает лидирующее положение по количеству людей, живущих с ВИЧ/СПИД. Две трети из 5,6 млн людей, живущих с ВИЧ/СПИД в ЮАР, – женщины и дети¹³.

Безусловно, класс, раса, возраст и место жительства привносят свои коррективы. Высокий уровень безработицы (в целом по стране среди черного населения), экономическая зависимость женщин от мужчин, нормализация гендерного насилия, невозможность и часто бессмысленность обращения в полицию в случаях домашнего насилия и изнасилований, страх повторного насилия, необходимость прибегать к различным стратегиям выживания для поддержания семьи и детей, недоступность медицинской помощи в сельской местности – все это добавляет свои оттенки в сложную картину положения женщины (черной / бедной / из сельской местности) в ЮАР.

И хотя я понимала и принимала во внимание всю подоплеку мариканского протеста, окрашенного противостоянием бедных черных рабочих и прокапиталистического неоапартеидного государства, мне хотелось (и тогда, и сейчас) отдельно обозначить гендерное измерение мариканского женского протеста – измерение, которое часто затирается и остается второстепенным в освещении мариканских событий (как, в целом, и любых других протестных движений)¹⁴.

¹³ «We were never meant to survive». Violence in the Lives of HIV Positive Women in South Africa, 2012, Iin9Campaign.

¹⁴ Этот текст был частично опубликован в левом украинском журнале «Спільне» (№ 6, 2013: <http://www.eurozine.com/journals/spilne/issue/2013-05-21.html>) и на беларуском портале MakeOut (<http://makeout.by/2015/08/19/vystavka-o-zhenschinah-marikany.html>). В осмыслении ситуации в Марикане мне помогли статьи из газеты «Workers Vanguard», № 1007, 1009, 1011, 1016; дискуссии и встречи после Мариканской резни, в разное время организованные Международной коммунистической лигой, Университетом Витватерсранда и Университетом Йоханнесбурга; (не)формальные встречи и интервью с женскими и гей-лесбийскими организациями в Йоханнесбурге (в частности, с Золейкой Лусвази, директором FEW, и Кари Шелвер, основательницей Iin9Campaign).

**30 марта 2016 г., открытие выставки
Вильнюс, Литва**

Организовать выставку в сотрудничестве с Центром гендерных исследований, привезти ее в ЕГУ означало для меня вернуться. Вернуться туда, откуда я уехала в 2011 г., но в другом качестве, и через это новое качество понять, что изменилось во мне. При перевозке и переводе на русский выставка изменила название – «Напротив: отражаясь в женщинах Мариканы»¹⁵. Мне хотелось подчеркнуть, что она – не о женщинах Мариканы. Она – о нас, кто кадрит «их» и кто приходит на выставку, чтобы прочесть нечто важное через лица и тела тех, кто смотрит на нас с фотографий. Основой выставки стали фотографии, которые я сделала 29 сентября 2012 г. во время женского протестного марша в мариканском шахтерском поселке. Фотографии (как свидетельство марша) сопровождалась моими дневниковыми и полевыми заметками. Мне хотелось, чтобы на пересечении визуального и вербального возник диалог между Беларусью и ЮАР, диалог о политическом, репрезентации, сопричастности, расе и гендере.

Идею выставки я вынашивала более трех лет. Просто показать фотографии казалось мне недостаточным, неточным и поверхностным жестом. Ведь история за этими фотографиями – это не только история протеста (уже неизбежно мною репрезентированного, воспринятого выборочно через необъективный объектив фотокамеры), это и рассказ о тех смыслах, которые приоткрылись для меня благодаря тому, чему я оказалась свидетельницей. Так родилась идея использовать дневниковые и полевые заметки, чтобы зрители имели возможность прожить и пройти выставку по-своему (через визуальное к текстовому, через текстовое к визуальному, челночным движением или любыми другими способами). Было важно, чтобы заметки не становились «контекстом», а говорили наравне с фотографиями. Записи, как и фотографии, я не редактировала, чтобы сохранить расфокусировку, слепые места и неточности там, где они имели место, и избежать влияния моего теперешнего, уже более взвешенного и во многом иного взгляда на события, произошедшие со мной и прошедшие через меня в ЮАР. Хронологию я также опустила – и в записях, и в фотографиях (и в этой статье, и в том, как они были смонтированы на выставке).

¹⁵ Впервые выставка под названием «Colour of Protest: Witnessing Marikana Women» открылась 19 августа 2015 г. в Бергене в Центре женских и гендерных исследований.

**Сентябрь – октябрь 2012 г.,
заметки после женского марша: часть фотопроекта
Йоханнесбург, ЮАР**

«Вертолеты летают. Два пролетели низко в саду у Марлиз. Всякий раз – звук узнаваем – это напоминает о Марикане, а Марикана, в свою очередь, отзывается Минскими событиями 2006-го».

«Марикана запомнилась долгой пыльной медленной дорогой от *informal settlement* Вогокон-2 до полицейского участка в Марикане. “Уровень жизни” не поразил меня так, как я этого ожидала: картинки в воображении (возможно, из теленовостей и документальных фильмов) нисколько не противоречат реальности. Бедная жизнь, но жизнь – люди обустроиваются и создают семьи и дома. Есть участки почище, украшенные, облагороженные; каждая/ый имеет хоть какой-то свой “двор”; чудовищной скученности не видно».

«Во мне не возникло сострадания и желания помочь – вроде приехать и социально работать или бороться за их права... Важно работать среди своих – белых, искореняя стереотипы, автоматизм мышления, дискриминаторные практики. Но нельзя, будучи белой, работать с не-белыми – именно из-за неизбежной интериоризированной привилегированной позиции. Я ощущаю ее реакционно, реагируя на их отношение...».

«Когда полицейские стояли напротив протестующих женщин – бездвижно и спокойно, десять против ста, молча, выжидаяще, – я распознала в себе классовый гнев в первую очередь... Раса здесь не работала, напротив черных женщин стояли черные полицейские. Гендер работал причудливо: в итоге оттеснить женщин вышли женщины-полицейские (тоже черные). В линейке стояли только полицейские-мужчины. Так же как в поселении около баров стояли черные мужчины-рабочие, иногда угукая и поддерживая женский марш, иногда наблюдая скорее с превосходством и насмешкой. Это выраженное (хоть и по-разному и с разных классовых позиций) патриархатное видение женщины как невнятной, неартикулированной и не на своем месте в публичном пространстве роднит этих мужчин *across their class*».

«Единственная позиция, оказавшаяся комфортной, уместной для меня на марше, – фотографа. Та, что была определена и моей расовой принадлежностью. Репрезентировать, но не быть частью. И еще – в белых людей не стреляют. Будучи там, я была гарантом того, что стрелять не начнут. Такая “простая” и честная роль – быть белым телом».

«Я не просто белая, я белая молодая женщина для них. Уже на подходе к полицейскому участку ко мне пристраивается молодой разухабистый парень с задранной майкой – приобнимает меня и спрашивает, как меня зовут. Я мягко отстраняюсь. Он сжимает меня крепче. Тогда я говорю прямо – смотря ему в

лицо – “you cannot touch me”. Он словно трезвеет, говорит “я понял” и уходит. На пути назад на taxi rank Полин улавливает – говорят о нас – употребляют пренебрежительное слово, означающее на зулу “белый”. Слава Богу, я не понимаю язык. В поселение мы возвращаемся ближе к 17.00 – уже порядком подвыпивший мужчина лет между 20 и 30 цепляется сначала ко мне, после быстро переключается на Полин. Enough is enough не действует на него. Он еле стоит на ногах – его легко можно было бы сбить с ног, ударив. И это желание назревает. Народ кругом глазееет на нас – белые идут по деревне. Мы здесь не на своей территории. Смеются, наблюдая за пьяными “заляцаньями” своего товарища. Дискомфорт происходит от физического ощущения непереваренных эмоций – насмешливости, сдержанного гнева, презрения».

«Я все еще не чувствую в себе инаковости, той инаковости, которую иногда испытываю в компании благоустроенных well off западноевропейцев или даже белых юарцев. Классово – несмотря ни на что – я чувствую себя ближе к ним. Но между нами расовая пропасть. Мое значение расы не совпадает с их значениями. Не только потому, что я белая, а потому, что у нас разное историческое наполнение этого опыта. Для них белый – это колонизатор; это гнев от памяти поколений об угнетении и отсутствии языка и места; для меня все это – быть белоруской – в отношении России и Западной Европы. Я разделяю этот опыт, который для меня разворачивается в моей национальной принадлежности, для них – в расовой. И все же я не в состоянии до конца разделить их опыт. И как я оказываюсь беспомощна в их контексте распознать не национальные, но племенные и языковые различия, обобщая их, так и они присовокупляют меня к “белым”, не оставляя мне шансов на детализацию и разнообразие моего опыта».

«Марикана что-то подвинула во мне – я словно застыла. Aftereffect. Я вдруг стала чужой – по отношению к тому, что здесь, и к тому, что там. Провалилась наконец-то в безвременье и безместье. Как Алиса – полетела. Больше не чувствую земли под ногами».

«По возвращению белые южноафриканцы, мои знакомые, много ахали – для них поехать на марш было безумием, невообразимой ситуацией. Ведь там была вооруженная полиция, даже если и всего лишь резиновыми пулями. Будь осторожной – говорили мои знакомые мне. А у меня был минский привкус во рту: для меня это было так знакомо – знать, что полиция против тебя. Для меня это было редким моментом возвращения в этом совершенно чуждом для меня контексте в какое-то место, где я чувствовала себя собой, где я распознавала что-то, что возвращало мне понимание себя»¹⁶.

¹⁶ Я сохранила орфографию и языковые формы моих дневниковых записей, в том числе английские (well of, aftereffect) и белорусские («заляцанні») слова. Я решила не прибегать к переводу (ни в тексте, ни в сносках), доверяя читателям сделать это самим в тех случаях, когда (и если) они почувствуют в этом необходимость.

**4 апреля 2017 г., предисловие
Лондон, Великобритания**

Села писать статью о со-причастности и не-принадлежности. Долгожданный и заслуженный перерыв в кропотливой работе над англоязычной диссертацией. Пишу для «Перекрёстков», журнала исследований восточноевропейского Пограничья. Как странно (и закономерно), что журнал называется так же, как и бар, в котором я работала в Минске в 2004 г., пытаюсь преодолеть назревающее недовольство той формой соприкосновения с действительностью, что предлагала академия. Номер посвящен 20-летию Центра гендерных исследований в ЕГУ. Там я получила свою гендерную степень в 2003 г. Потом ЕГУ закрыли. Так же как закрывают сейчас Европейский университет в Питере и Центрально-Европейский университет в Будапеште. Надеюсь, они выстоят. Мы стояли, но не отстояли. Мы вынуждены были уехать.

После ЦГИ и закрытия ЕГУ ничто уже не было прежним. Там случилось очарование гендерной теорией, там же развернулась реальная жизнь. Очень редкий момент – всего пару лет, когда то и другое существовало в гармоничном (хоть и противоречивом) переплетении. Потом все распалось, раскоординировалось и сошлось вновь десять лет спустя, совсем в ином контексте, за 11 000 километров. Потому из всех тем для статьи, роящихся в голове, я остановилась на своем опыте жизни и работы в ЮАР. Пограничный опыт, к осмыслению которого я все никак не могу приблизиться. Проговариваю его раз за разом: выступлениями в Вильнюсе и Минске, выставками в Норвегии и Литве, и вот сейчас статьей (статья ли это?).

Залезла в многочисленные записи, чтобы вспомнить и отобразить то, что «нужно». Обнаружила, что писала много писем. Письма эти, в отличие от дневников, сохраняют множество обыденных деталей. Дневники я писала для себя – и пропускала многое, что казалось само собой разумеющимся или что варилось внутри днями, к чему я привыкла и думала, что уже давно об этом «сказала». А письма были адресованы немногочисленным «другим» – в них нужно было разворачивать незнакомую жизнь, уходить в объяснения, снабжать деталями. Там все это есть, все это там осталось. И я только сейчас понимаю важность отсутствия интернета в моем юарском доме: невозможно было спрятаться в социальные сети, растерять еще не накопленное в разговорах по скайпу. У меня была только я и медленно распускающееся время. И там, в тишине своего дома-угла, с зарешеченными окнами и наведывающими меня в одно и то же время птицами, я сидела и писала в ворде письма, чтобы «отправить-их-завтра». То, что ощущалось как невыносимое (долгие одинокие вечера без разговоров, без человеческого контакта и иногда, казалось, без контакта с реальностью) вдруг обрело плоть. Сотни написанных писем – с бытовыми подробностями, случай-

ными заметками, эпизодическими историями, из которых спустя четыре года выстраивается все то значительное, что случилось там и тогда.

Об этом всем я размышляю сейчас, когда письмо больше «не идет», когда каждая запись в дневнике откликается фантомной болью того, что «могло-бы-быть-написано» или «написано-быть-не-может», когда совершенно неясно, как запечатлеть то, что происходит (ведь если не запечатлеть, то все пропадет в беспомощности – разве не так?). Что-то происходит с языком как формой. Возможно, я выросла из языка, как вырастают из одежды. Слова становятся малыми, узкими, неуместными. Наступает этот ужасающий момент поиска формы, поиска стиля, когда можно кроить самой, а ты не научена. В таком пограничном состоянии сажусь писать. Может, это «пограничье» и есть неотъемлемая часть письма, это чувство со-причастности и всегда-уже-не-принадлежности (ни меня письму, ни письма мне). Сколько бы я ни «начинала-писать», всегда есть это сомнение: дойду ли я до конца, найду ли подходящие слова, оставлю ли само это жгучее желание – выразить и быть понятой?

*4 июня 2017 г., послесловие
Лондон, Великобритания*

Редактор_ки гендерного номера «Перекрёстков» спросили у меня, каково мое отношение к протестам в перспективе происходящих социально-политических потрясений – от победы Трампа на выборах в США до закрытия университетов, которые в той или иной степени стали пионерами в институализации гендерных исследований в Центральной и Восточной Европе. Протест как форма выражения гражданской позиции вызывает у меня беспокойство, схожее с языковым беспокойством в случае с практикой письма. Я задаюсь теми же вопросами. Насколько эта форма – форма протеста – уместна и доходчива в смысле выражения общественного негодования? Стоит ли рассчитывать на то, что негодование будет распознано и требования услышаны? И если нет, то в чем смысл протестного жеста? Какие форматы протеста доступны? И нужно ли находить новый язык для коммуникации с властями?

Каждый раз, когда я присоединялась к тем, кто выходил на улицы, я спрашивала себя, что может быть достигнуто через такую публичную манифестацию и что достигнуто-быть-не-может. Демонстрации против закрытия ЕГУ в Минске в 2004-м. Палаточный городок на минской Площади Независимости в марте 2006-го. Первый гей-прайд в Вильнюсе в 2010-м. Гей-прайд в Йоханнесбурге в 2012-м. Мирный протест женщин в Марикане в 2012-м. Участие в каждом из этих событий отзывалось во мне горечью (чувством и послевкусием): что-то оставалось недосказанным, кто-то оказывался исключенным, где-то разворачивалась очередная несправедливость. Но присоединиться к протестующим также

означало стать частью большего, утвердить свою принадлежность. В 2004-м я была студенткой и преподавательницей, в 2006-м – белорусской, в 2010-м в Вильнюсе – частью ЛГБТ-сообщества, в 2012-м в Йоханнесбурге – исследовательницей, в Марикане в том же году – белой свидетельницей-фотографом.

Для меня смысл протеста, как и письма, заключается в самом творческом радикальном акте артикуляции. Протест делает видимым и осязаемым нечто, что было спрятано, стерто, забыто, подавлено, стигматизировано. Протест вырабатывает свой собственный язык донесения сообщения и эмоций. Однако есть и подводные камни в практике выхода на улицы. Сам протест (как и текст, появившийся в итоге письма) не принадлежит полностью тем, кто принимает в нем участие. Протестные движения и их послылы могут исказиться и присваиваться различными группами: украинский Майдан 2014 г. с последовавшим националистическим сдвигом «вправо» и гей-прайд в Йоханнесбурге 2012 г. с тотальной невидимостью черной (black) бедной части ЛГБТ-сообщества могут послужить тому примерами. Поэтому для меня особенно важной представляется критическая дистанция и саморефлексия, которые уравнивают вовлеченность в событие.

Еще одним сильнейшим эффектом участия в протесте, который я наблюдала и испытывала не раз, является укрепление сообщества. Возникающее чувство принадлежности становится движком для дальнейшего развития форм социального и политического действия. Но сама протестная форма («против», «вопреки») также обуславливает необходимость поддерживать сообщество через позитивные цели и установки и вырабатывать адекватные, чувствительные и разнообразные формы солидаризации.

Наконец, я верю, что протест – не единственная легитимная форма публичного высказывания и политического жеста. Критическое осмысление социальной реальности, самого протестного движения и собственной социально-политической позиции остается востребованной и неотъемлемой формой со-участия. Отдельное место занимает акт свидетельствования. В том числе – через тесты, образы, память. Для меня акт свидетельствования неотделим от протеста как события и со-бытия.